

О решении Исследовательского института «Хунсо» и следственной группы спустить дело на тормозах большинство пользователей сети даже не догадывалось. В виртуальном пространстве по-прежнему царило ликование и воодушевленное ожидание.

«Когда «Хунсо» опубликует подробности? Можно ли считать, что первая фаза клинических испытаний «Люйиньсюй» уже началась?»

«О таких вещах вряд ли будут трубить на каждом шагу. Главное — знать, что процесс идет. Не нужно давить на ученых».

«Согласен, хоть и жду с нетерпением. Хочется, чтобы у великих умов «Хунсо» были идеальные условия для работы».

«Кажется, они уже запускают производственную линию! Видел на днях, как рядом с институтом достраивают фармацевтический завод!»

«Где именно? Как же здорово жить в городе А — можно хоть каждый день гулять рядом с «Хунсо»».

«Я тоже слышал об этом заводе, у него отличная репутация».

«Обязательно! Я так взволнован! «Люйиньсюй» должен появиться как можно скорее!»

«Болеем за «Хунсо»! Только с вами мы чувствуем себя в безопасности!»

...

Трудно представить, что чувствовали те, кто знал правду, глядя на этих ослепленных надеждой пациентов. Вероятно, они понимали: истину невозможно скрывать вечно, и сейчас они лишь утоляют жажду ядом, оттягивая неизбежное.

Чжан Чжаохэ оказался человеком слова. Спустя три дня после того, как между Ли Жуном и Цэнь Сяо пробежала черная кошка, он перехватил юношу у дверей аудитории сразу после занятий.

Сегодня Чжан пребывал в превосходном расположении духа. Он даже оставил свою неизменную трость — шел, сцепив руки за спиной, выпрямившись и так и сияя довольством. В его нагрудном кармане всё так же красовалась перьевая ручка, хотя на корпусе там, где обычно лежат пальцы, откуда-то появилась трещина.

— Ты ведь хотел познакомиться с Группой «Высокая башня»? — с улыбкой произнес он. — Сегодня пятница, у всех выдалось свободное время, так что соберемся в полном составе. Тебе пора узнать их в лицо.

Ли Жун поднял глаза и едва заметно кивнул. Собеседник покровительственно похлопал его по плечу.

Юноша поправил лямку рюкзака и по привычке потянулся к телефону, словно намереваясь отправить сообщение, но тут же замер и с выражением глубокого отвращения на лице убрал гаджет обратно.

Чжан Чжаохэ уловил это мимолетное движение, и в глубине его глаз мелькнул холод, хотя голос остался мягким:

— Что, отчет врагу о своих перемещениях уже стал безусловным рефлексом?

Ли Жун нахмурился, задетый за живое, и холодно парировал:

— Просто посмотрел время. Поверь, когда переживаешь то, что выпало на мою долю, понимаешь — настоящих друзей существовать не может.

Старик со смешком покачал головой:

— Я прожил на свете несколько десятков лет, и ты даже не представляешь, через что мне пришлось пройти. Когда я говорю, что мы с тобой одной крови, я имею в виду именно это — я вижу в тебе собственное отражение.

Ли Жун вскинул бровь, изображая любопытство:

— Неужели? Вы тоже потеряли всю семью?

— До такого не дошло, — отозвался Чжан. — Но позволь напомнить: большинство членов Группы «Высокая башня» — выходцы из «Хунсо», и они питают врожденную неприязнь к «Ланьшу». Тебе бы поскорее провести четкую черту между собой и лидерами Первого и Третьего районов.

Парень язвительно усмехнулся:

— Тогда и я напомню «Высокой башне»: пусть поменьше лезут в мои дела.

Чжан Чжаохэ лишь развел руками:

— Не кипятись. Твой характер совсем не похож ни на Ли Цинли, ни на его супругу.

Когда закончилась последняя пара, солнце уже клонилось к закату, и над университетской столовой поплыл густой аромат вечерней трапезы. Ли Жун ожидал, что его отвезут в какой-нибудь закрытый элитный ресторан, но такси, к удивлению юноши, остановилось у главных ворот Исследовательского института «Хунсо».

Увидев знакомое место, он на мгновение замер. Чжан Чжаохэ, как ни в чем не бывало, расплатился с водителем и, обернувшись к юноше, бросил:

— Ты ведь был здесь пару раз, почему застыл, будто впервые видишь?

Взгляд Ли Жуна дрогнул.

«Очевидно, он знал о моих визитах к Цзян Вэйдэ. Вот только я бывал здесь не пару раз — я проработал в этих стенах два года»

Выйдя из машины, юноша последовал за Чжаном. Он лишь мельком взглянул на роскошную вывеску института и больше не удостоил здание взором. Спутник же с упоением принялся за роль гида:

— С твоим талантом ты рано или поздно окажешься в «Хунсо». Уже думал, к какому наставнику пойдешь? Уверен, Цзян Вэйдэ с радостью примет тебя.

Ли Жун проигнорировал предложение:

— Профессор Цзян тоже состоит в Группе «Высокая башня»?

— Разумеется. Я даже могу показать тебе наши старые фотографии, сделанные еще на горе Та.

Сердце Ли Жуна пропустило удар. Значит, Цзян Вэйдэ был среди той первой десятки.

Цзян Вэйдэ и Ли Цинли были выдающимися учеными своего поколения, и оба они были возмущены тем, как замяли инцидент с тетей Хуэй. Тогда они наверняка были единомышленниками. Ли Жун знал, что профессор Цзян скептически относился к решению отца открыть свою компанию — вероятно, именно тогда их пути начали расходиться.

Никто не ожидал, что с семьей Ли случится такая трагедия. Для Цзян Вэйдэ это тоже стало ударом. Теперь юноша понимал, почему после смерти родителей контроль над «Высокой

башней» перешел не к Цзян Вэйдэ: в глазах остальных членов группы их разногласия с Ли Цинли делали его неподходящим преемником. Разгневанные и скорбящие ученые просто не признали бы его авторитет.

Чжан Чжаохэ был лишь скромным лектором в Университете А, но в Институт «Хунсо» он вошел удивительно легко. Не выказывая и тени почтения к этому храму науки, он привычным маршрутом привел Ли Жуну на шестой этаж главного корпуса, к залу заседаний.

В прошлой жизни он бывал здесь лишь изредка — для доступа в эту зону требовался высокий уровень допуска, который он получил далеко не сразу. Очевидно, все те, кто ждал его сейчас внутри, обладали такими полномочиями.

Юноша замер перед дверью из матового стекла. Чжан достал карту доступа, приложил её к электронному считывателю, и замок с негромким щелчком открылся.

Теперь Институт «Хунсо» действительно наполовину принадлежал Чжан Чжаохэ.

— Входи же, — с доброжелательной улыбкой пригласил тот.

Ли Жун прижал ладонь к стеклу. Оно было холодным, и от тепла его кожи на поверхности тут же проступило легкое пятно тумана. В глубине его глаз на миг вспыхнули яростные чувства, но он тут же взял себя в руки.

Он понимал: сейчас он коснулся самого ядра этой организации и, кажется, подошел к разгадке всей истории. Теневые связи между Институтом «Хунсо» и Девятым районом Ланьшу, которые прежде казались несвязанными нитями, наконец начали складываться в единую картину. Он не видел этого раньше лишь потому, что игнорировал тайную сеть, раскинутую под поверхностью. Теперь же Чжан Чжаохэ, уверенный в своей победе, сам демонстрировал ему все узлы этой паутины.

Сегодняшняя встреча должна была стать переломным моментом. И у юноши был козырь, способный изменить всё, — GT201.

Ли Жун толкнул стеклянную дверь и вошел внутрь. Последний луч заходящего солнца ударил ему в глаза, и на мгновение в его зрачках вспыхнуло алое пламя.

В огромном конференц-зале сидело более тридцати человек среднего возраста — судя по всему, самая влиятельная часть «Высокой башни». Они сидели в тишине, ожидая. Стоило Ли Жуну и Чжану появиться на пороге, как ученые один за другим поднялись с мест и дружно зааплодировали.

Парень узнал многих: здесь были ведущие специалисты по физике, полимерным материалам, геологии, нанотехнологиям... Опора «Хунсо», эксперты с мировым именем, которыми восхищалась вся страна. И все эти люди стояли, приветствуя Чжан Чжаохэ.

Он посмотрел на происходящее глазами Чжана. Вид тридцати выдающихся ученых с лицами, полными искренней преданности, казался одновременно абсурдным и пугающе логичным.

«Кто сказал, что опаснее всего — эрудиция без веры или невежество с верой? Настоящий ужас внушает эрудиция, направленная ложной верой. Этот урок я не забуду никогда»

Лишь Цзян Вэйдэ, сидевший во главе стола, смотрел на юношу с нескрываемой тревогой. Его губы дрогнули, но он лишь опустил веки, так и не проронив ни слова.

Ли Жун повернулся к Чжан Чжаохэ и со смиренным видом спросил:

— Все эти уважаемые профессора собрались здесь ради моих родителей?

Он быстро окинул взглядом присутствующих: из биохимического отдела было четверо. Помимо Цзян Вэйдэ, здесь присутствовали Ли Юнши, Чан Ли и Янь Ючжун — все они были его знакомыми по прошлой жизни. Тогда он и не догадывался, что они принадлежат к тайной организации.

— Конечно, — кивнул Чжан. — Ли Цинли был человеком великой души и редкой отваги. Именно он основал Группу «Высокая башня», создав оплот для тех, кто хотел заниматься наукой, а не подковерными играми. Смерть брата Ли — наша общая боль, но она же — наша сила. Она напоминает нам, ради чего мы здесь и почему нельзя сдаваться!

— Я не был близко знаком с профессором Ли, — подал голос один из присутствующих, — но та жестокость, с которой с ним расправились, приводит в ярость. Я не мог остаться в стороне.

— Мы все в одной лодке. Мы вынуждены действовать, чтобы защитить собственное будущее.

— Если быть лучшим — это преступление, значит, больна сама система.

— Бездействие «Хунсо» в деле «Люйиньской» меня глубоко разочаровало. Ли Жун, надеюсь, ты продолжишь дело родителей.

— Я простой исследователь, моё слово мало что значит. Тогда я лишь скорбел, не в силах помочь. Но сейчас я здесь, чтобы внести свой вклад в будущее науки.

— Ли Жун, я слышал о тебе от твоих родителей, они возлагали на тебя большие надежды. Не подведи нас.

— Гибель «Люйиньсюй» — наша общая оплошность. Дитя, тебе пришлось нелегко.

— И гадать не нужно: я и так знаю, что это Чжу... это кто-то, кто не желает появления «Люйиньсюй»!

...

Цзян Вэйдэ по-прежнему молчал. Он не сводил с Ли Жуна обеспокоенного взгляда, надеясь, что юноша среди множества незнакомцев найдет его глазами. Но тот на него даже не посмотрел.

Ли Жун, казалось, был до глубины души тронут этими пламенными речами. Его глаза покраснели, наполнившись слезами, губы мелко дрожали. Одного его взгляда, полного сдерживаемой боли, было достаточно, чтобы у присутствующих защемило сердце.

Юноша глубоко вздохнул, его голос сорвался на хрип:

— Когда архив «Люйиньсюй» сгорел, я пошел на Кладбище «Сишань». Стоя перед памятником родителям, я не знал, как смотреть им в глаза. Я не смог сберечь самое ценное, что они оставили, не смог защитить надежду тысяч невинных больных. В тот миг я остро ощутил, насколько я беспомощен. Я выжил, но какой в этом толк, если всё закончилось так? Уважаемые дяди и тети, спасибо вам за то, что помните моих родителей. Если бы они могли это видеть, они были бы счастливы.

Ли Жун умолк, и из его левого глаза скатилась одинокая слеза. Она упала так вовремя и так искренне, что профессора, которые годились ему в родители, пришли в полное замешательство от сочувствия. По законам человеческой психологии их любовь и уважение к Ли Цинли и Гу Нун автоматически перенеслись на их ребенка. К тому же юноша выглядел таким хрупким и беззащитным, что вызывал лишь желание уберечь и утешить.

— Как ты можешь винить себя? Тебе ведь всего двадцать!

— Это мы виноваты, проявили беспечность. А враги оказались слишком коварны — кто мог подумать, что у них поднимется рука уничтожить спасительное лекарство!

— Не плачь, дитя...

— Наступит день, когда тучи рассеются. Именно ради этого мы здесь!

...

— К счастью... — Ли Жун сменил тон и вытер слезы.

У Чжан Чжаохэ внезапно дернулось правое веко.

Парень, не глядя на него, обратился напрямую к трем профессорам из биохимического отдела:

— К счастью, когда родители работали над «Люйиньсюй», они часто объясняли мне принципы синтеза, желая пробудить интерес к науке. У меня с детства отличная память, и я буквально впитывал каждое их слово. Я могу восстановить почти всё по памяти. Конечно, моих знаний недостаточно, чтобы довести дело до конца в одиночку, но если вы, уважаемые профессора, поможете мне, мы вместе сможем воссоздать «Люйиньсюй». Думаю, тогда мои родители обретут настоящий покой.

Лицо Чжан Чжаохэ мгновенно побелело. Рукописи исчезли, оригинал препарата уничтожен... он и помыслить не мог, что сам Ли Жун — это живой архив!

Цзян Вэйдэ замер в оцепенении, глядя на юношу с недоверием. Он знал, что это практически невозможно — в тот день, когда Ли Жун умолял его возоновить проект, тот был в отчаянии, словно лишился последней надежды. К тому же сотни страниц сложнейших данных невозможно просто «запомнить». Без полных протоколов исследований воссоздать препарат нереально: малейшая ошибка в пропорциях соединений — и эффект будет непредсказуемым. Если даже ассистенты, работавшие над проектом, не смогли ничего сделать, то как справится этот мальчик?

Но сейчас, когда Ли Жун заявил об этом при всех, любые возражения могли быть восприняты в штыки. Если он не справится, если это лишь пустая бравада юного сердца, это бросит тень на репутацию всей группы. Зачем он так торопится?

Видя замешательство ученых, Ли Жун с грустной улыбкой добавил:

— Два года назад я собрал воедино и перевел записи отца, которые легли в основу статьи «Гипотеза об оптимизации CAR-T и ослаблении CRS». Я отправил её в журнал, почти не надеясь на успех — ведь писал по памяти. Но статью приняли. Надеюсь, родители присмотрят за мной и в этот раз, и нам снова повезет с «Люйиньсюй».

— Та гипотеза... это твоя работа? Но как это возможно?!

— Два года назад ты ведь еще в школе учился, даже базового курса биохимии не прошел!

— Ты смог восстановить ту статью по памяти? Я помню, профессор Ли тогда еще не закончил её, оставались только подробные черновики...

— Неужели родители обучали тебя биохимии дома с малых лет?

...

Версия о том, что родители с детства готовили его к научной карьере, была единственным логичным объяснением. Иначе как мог школьник написать такую работу? И именно благодаря этой публикации слова Ли Жуна о восстановлении «Люйиньсюй» обрели неожиданный вес. Профессора загорелись надеждой.

— Если это удастся, это будет истинным благословением небес!

— То, что профессора Ли и Гу решили доверить этот результат тебе... стало нашим единственным шансом.

— Мы сделаем всё, что в наших силах. Лаборатории, ассистенты — всё будет в твоём распоряжении.

— Мы просто обязаны попробовать! Даже если ничего не выйдет, мы будем знать, что сделали всё возможное!

...

Кожа на шее Чжан Чжаохэ мелко задрожала. Он пристально смотрел на Ли Жуна, и в этом взгляде невозможно было прочесть ни единой эмоции. В такой обстановке он не мог вымолвить ни слова против. Призыв сына Ли Цинли и Гу Нун, его горькая мольба — никто не имел морального права отказать ему в этом.

Ли Жун, взывая к памяти родителей, занял недостижимую этическую высоту. Его позиция позволяла ломать любые правила и логику, а члены группы, для которых его родители были духовными лидерами, готовы были поддержать его во всём.

Впервые Чжан Чжаохэ почувствовал, как почва уходит из-под ног: у него, лидера группы, перехватили инициативу, а он был бессилен что-то предпринять. Каждая пора его тела источала дискомфорт. В его сознании мелькнула пугающая мысль: а что, если Ли Жун и вправду сможет воссоздать препарат?

Юноша улыбнулся сквозь слезы, его глаза засияли:

— Не беспокойтесь, уважаемые профессора. Если «Люйиньсюй» вернется к жизни, это будет заслугой всей нашей Группы «Высокая башня». Мой отец основал её, и то, что мы вместе восстановим его дело, станет для моих родителей лучшим памятником.

После этих слов атмосфера в зале стала почти праздничной, пропитанной энтузиазмом и общим делом. Чжан Чжаохэ, стоявший в шаге от юноши, ощущал лишь нарастающий ужас. Ли Жуну было всего двадцать, но его умение завоевывать умы и сердца было пугающе совершенным.

Эти профессора в большинстве своем были людьми прямолинейными и увлеченными наукой; они были совершенно безоружны перед обаянием этого «ребенка». Самым мастерским ходом Ли Жуна была последняя фраза: «Люйиньской» был детищем его родителей, но он изящно предложил разделить славу со всей группой.

У каждого есть свои амбиции, каждый жаждет признания. Проект «Люйиньской» обладал колоссальным весом — успех в его воссоздании означал бы бессмертие в истории науки. Этого обещания было достаточно, чтобы Ли Юнши, Чан Ли и Янь Ючжун стали преданы ему до конца...

Первая встреча с Группой «Высокая башня» затянулась на три часа. На улице окончательно стемнело. Плотная мгла за окнами казалась живой, но яркий свет ламп в помещении, словно острый клинок, удерживал тьму на расстоянии.

Проводив профессоров-биохимиков, Ли Жун наконец удостоил взглядом Цзян Вэйдэ. Однако он лишь скользнул по нему взором, ни на секунду не задержавшись на его встревоженном лице. Он повернулся к Чжан Чжаохэ и с искренней улыбкой произнес:

— Учитель, вы были правы. Группа «Высокая башня» — это мой настоящий дом.

— Хорошо, что ты это понял, — отозвался Чжан с натянутой улыбкой.

Когда они неспешно спускались по лестнице, Цзян Вэйдэ, сославшись на неоконченные дела, свернул в другой коридор. Ли Жун не стал его задерживать. Выйдя за ворота института, он поднял голову к небу: сегодня оно было затянуто тяжелыми тучами, не было видно ни луны, ни звезд.

Ли Жун завороженно смотрел на этот небесный водоворот тьмы, пока резкий звук автомобильного сигнала не вырвал его из раздумий. Он опустил взгляд. Чжан Чжаохэ тоже прищурился, молча глядя на огни фар, прорезавшие темноту.

В свете ламп на кузове черного автомобиля отчетливо виднелась эмблема Девятого района. Это была ведомственная машина. Пальцы юноши непроизвольно сжались в кулаки; даже стоя рядом, можно было почувствовать, как он напряжен. Чжан, заметив это, едва заметно вскинул бровь.

Машина медленно тронулась и остановилась прямо перед ними. Дверь открылась, и в полумраке салона показался Цэнь Сяо. Он не обернулся и даже не взглянул на Ли Жуна, лишь бросил холодным тоном, в котором клокотала ярость:

— Садись.

Ли Жун не шелохнулся. Чжан Чжаохэ тоже остался на месте. Он понимал, что в глазах капитана «Призрачного глаза» он — пустое место, но не спешил вмешиваться, лишь с любопытством наблюдал за сценой.

Водитель вышел из машины, подбежал к юноше и дружелюбно улыбнулся:

— Господин Ли, нашему начальнику группы Цэню нужно обсудить с вами кое-какие дела. Он ждет вас уже очень давно.

Ли Жун сглотнул, его голос звучал бесстрастно:

— Откуда он узнал, где я?

— Господин Ли, давайте обсудим это в машине, — невинным тоном предложил водитель.

Парень лишь язвительно усмехнулся:

— Цзянь Фу... Какое расточительство таланта.

Наконец заговорил Чжан Чжаохэ:

— Похоже, разговор намечается не самый приятный. Мне вызвать охрану института?

Ли Жун глубоко вздохнул и холодно отрезал:

— Не стоит. Мне и вправду нужно кое-что прояснить с капитаном Цэнем.

С этими словами он направился к машине. Едва он пригнулся, чтобы сесть, как чья-то рука грубо затащила его внутрь. Скрытый тенью, Чжан Чжаохэ увидел лишь, как Ли Жун неловко повалился на Цэнь Сяо и в яростном смущении что-то неразборчиво прошипел. В следующую секунду дверь захлопнулась, и автомобиль сорвался с места.

В салоне юноша, всё еще сохраняя позу, в которой его затащили, лежал в объятиях своего партнера. Его пальцы всюду поглаживали кубики пресса на животе мужчины.

— Давно ждешь? Ужинал?

Цэнь Сяо перехватил его блуждающие пальцы и сжал в своей ладони:

— Не голоден. Почему так легко оделся? Руки совсем ледяные.

Водитель был преданным человеком семьи Цэнь, а потому тактично игнорировал происходящее на заднем сиденье. Ли Жун усмехнулся и лениво выпрямился, тут же закашлявшись:

— А я проголодался. Есть вода? Я так долго плакал, что горло совсем пересохло.

Цэнь Сяо открутил крышку и протянул ему стакан, многозначительно заметив:

— Плакал ты, пожалуй, усерднее, чем стараешься в постели.

<http://bllate.org/book/15351/1573847>